

серия «Фантастическая поэма»

ЛЕГЕНДЫ РИВА

Ирина Чикulina
Имаджика

Ирина Имаджика Никулина Легенды Рива. Серия «Фантастическая поэма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69305911

ISBN 9785006012271

Аннотация

Магистр Эдьяр нашел в пещере Летаргии существо, созданное богами. Он искал мудрость, но нашел смерть. Магистры отомстили и это стало началом космической войны. В войну были втянуты магистры Трага, воины Рива и повелитель мистерий Меродах. Планеты атаковали Тени из антимира и над всей жизнью во Вселенной нависла тень смерти. Великий Рив пылает огнем, магистры потеряли лучших магов, Тени пожирают материю. Спасти миры от уничтожения сможет только потомок темного мага Гильдиона – Лайтрон Викс.

Содержание

ЧАСТЬ 1. Черная кровь	5
1	5
2	15
3	27
4	41
5	46
6	51
7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Легенды Рива

Серия «Фантастическая поэма»

Ирина Имаджика Никулина

© Ирина Имаджика Никулина, 2023

ISBN 978-5-0060-1227-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никулина Ирина

Легенды Рива

Содержание:

Часть 1. Черная кровь.

Часть 2. Рив в огне.

Часть 3. Дитя любви.

Часть 4. Гость.

**Легенды Дальней волны творения, третий эон
от сотворения мира**

ЧАСТЬ 1. Черная кровь

1

*Миры дальней волны творения, планета
Летаргия*

Напевает едва слышно слова старой сказки и совсем не смотрит вниз, потому, что иначе упадет. Мост обледенел, ноги скользят и туман здесь, в небесах Летаргии, очень густой. Тонкий мост не предназначен для грубых ног мага трагила, он как мираж в сонном царстве планеты вечного сна. По мосту ступали ноги богов, но их следов сейчас не видно. Он верит в то, что говорят легенды, и он единственный, кто разгадал древнюю загадку, которую сейчас повторяет как молитву.

Три божественных зерна упали в почву и одно выросло в камнях и превратилось в камень, другое попало в воду и проросло сквозь тело хищной рыбы. И у рыбы выросли ноги, она вышла из воды и стала совсем другой. А третье божественное зерно упало в тело гуманоида в дальнем из дальних миров и там долго созревало, не находя выхода. Наконец, когда божественному зерну стало тесно, оно преобразовало тело гуманоида и тело этого создания стало сильным

и красивым. Но душа того, кто раньше владел этим телом, умерла. Тогда зерно прокляло высшие сферы, отправившие его с такой жестокой миссией и восстало против своих создателей. И этот мятеж был жестоко подавлен. Мир был сожжен божественным огнем, а три зерна остались в нем, чтобы дожидаться, когда боги смилятся. Два из них стали расти вместе, они всегда там, где восходит звезда и есть три ветра. А последнее зернышко поселилось в месте, окутанном туманом, где хрустальный мост соединяет небеса с островом, парящим в облаках. Холод одиночества окружает его, черного сына богов. Проклят тот, кто осмелится нарушить этот сон.

...Имя магу Эльяр, он когда-то был молод и он был лучшим из магов планеты Траг, один из тысячи трагилов круга Мог. Старая сказка запала в душу магистра трагила-сай и он всю жизнь потратил на то, чтобы исследовать планеты. Он искал опровержения легенды о божественных семенах, а нашел мир Летаргию и хрустальный мост, по которому едва можно идти. Нашел страх в своей безмятежной душе и любопытство, которому нет оправдания. Эльяр не отступает, но последние слова легенды тревожат его. Найдет ли он бога или существо, сошедшее с ума от одиночества и тяжелой вины? Так много аллегорий, так мало ответов, но все же, он идет, замерзая на ледяном ветру, усталый и онемевший от лютого холода.

Вскоре он видит перед собой остров, парящий в небесах

и три пирамиды на нем, черные, как дно миров. Не иначе, как боги создали их! Если там есть тот, кто бессмертен, то магистр Эльяр падет ниц перед великим божественным светом и будет умолять открыть ему тайны вечной жизни, ведь эта сущность, рожденная из божественного семени, чье имя скрыто даже от магистров, пережила смерть и возрождение мира, все секреты Дальней волны должны быть открыты этому созданию. Будь оно богом или просто пушинкой на ветру...

Так думает Эльяр, магистр трагила-сай, забывший свой мир. Но безжалостен ветер в пасти мрачной бездны, что нещадно дует, желая сбросить одинокого путника вниз. Только ветер Летаргии знают, что лучше смерть на дне самой глубокой бездны Летаргии, чем встреча с энаком, рожденным из божественного семени, что живет вечно. Даже призраки Летаргии зовут мага трагила присоединиться к их холодному существованию, ибо и это лучше, чем прийти к энаку, спящему в пирамиде. Но магистр не слышит ветер и не желает разговаривать с духами. Он полон надежд и опасений, но опасений намного меньше. Уже сам Некроникус, бог смерти, танцует на ледяном мосту, наступает на следы Эльяра, которому становится смертельно холодно, но маг не может отказаться от своего пути. Чтобы не сойти с ума, магистр повторяет, как молитву слова старой сказки: *Три божественных зерна...*

Пропасть клубиться черным туманом, она желает погло-

тить магистра, мост становится таким узким, что лишь одна нога помещается на нем. Путник покрыт коркой льда и готов упасть в жадные объятия Некроникуса, если бы не великая цель, что движет трагилом. Обычный гуманоид давно бы проклял богов и повернул назад, обычный кибероид трижды поскользнулся и стал бы добычей черной пропасти. Но магистр трагила-сай сильнее обычного существа, и он движется вперед несмотря ни на что. Такова его судьба и участь магистра вскоре станет судьбой всего Живого космоса, ибо его последний шаг по мосту Летаргии есть начало больших потрясений и великих изменений.

...их трое, они черны, как ночь на Тай-гане. Они древнее, чем мир, они были здесь, когда еще не было богов и Божественный эшелон был пуст и холоден. Они помнят то, что нельзя знать живущим в Дальней волне творения. Они могут то, что не под силу самым талантливым магистрам трагила-сай, и они те, кто могли бы поспорить с богами. Ривайры называют их инаками, что значат – *иные*, и если для ривайров они чужды, как само небытие, то пропасть между гуманоидами и инаками совершенно непостижима. Но, на самом деле никто не знает, что представляют собой инаки, где находятся и на что способны. Сама мысль о них заставляет сжиматься любопытные сердца, но нужно быть совершенно безумным, чтобы искать встречи с ними. Так же нельзя бросить вызов Некроникусу, так же нельзя любить Розу Дрот-

тар или заставить замолчать непостижимую Фантастическую поэму, силу, скрепляющую волну творения. Эльяр уверен, что он будет первым, кто прикоснется к тайне инаков.

Когда мост заканчивается, Эльяр почти мертв, он похож на большой снежный ком и кровь в его жилах застыла, а сердце остановилась. Только магистр трагила-сай может продолжать жить и двигаться, когда сердце не бьется, когда легкие не дышат, хотя и его силы на исходе. Летаргия укрывает своего героя теплым саваном сна и сознание медленно улетает в черную пропасть, чтобы порадовать жаждущего Некроникуса.

И вот, когда Эльяр, перешедший мост, готов навсегда уснуть на острове с пирамидами, над ним склоняется существо с черно-синей кожей. Тело этого создания покрыто сложными узорами золотого цвета. Длинная пасть и уши похожи на собачьи, а три глаза горят красным огнем. Ноги существа полусогнуты и скорее напоминают мощные лапы животного, только руки его похожи на конечности гуманоида – длинная пятиконечная ладонь.

– Бедняжка! – Сожалеет инак и прикасается к сердцу Эльяра, которое снова начинает биться. – Совсем замерз, надо было одеться получше. Видишь ли, гуманоид, я люблю холод.

– Великий бог... – шепчет Эльяр и потрясен увиденным. Ему в один миг становится жарко, словно все демоны ада поджаривают его на ритуальном огне места Мог. Он за-

был слова, которые готовил для встречи древнего существа, знающего все секреты Вселенной. Он не может собраться с мыслями и едва находит силы, чтобы встать и последовать за черным богом, который манит его со странной улыбкой на собачьем лице. Сбылось то, о чем он так долго мечтал, но кроме тревоги и усталости, магистр ничего не чувствует. Возможно, это холод мешает ему возрадоваться от того, что цель достигнута. Некроникус смеется, сотрясая своим беззвучным смехом пропасть вниз, но смертные не слышат его, слышит только инак.

В пирамиде значительно теплее, горят масляные факелы на стенах, сумасшедшие тени пляшут и беснуются, словно обладают собственной волей. Возможно, так и есть, но Эльяр не желает замечать ничего, он счастлив, что кровь вновь течет по жилам, что он жив, а не стал льдиной в сердце Летаргии. На большом деревянном столе стоит бокал из тонкого горного хрусталя и пустое блюдо.

– Отдыхай путник, садись, поешь, я принесу тебе божественной еды. Ты проделал такой длинный путь, что никто из ныне живущих в Дальней волне не осмелится его повторить. Ты – герой, о котором будут слагать легенды...

Голос его как мед, слова ласкают слух и обещают теплый прием. Эльяр садится на деревянную скамью и удивлен сверх меры: все легенды предупреждают, что инаки смертельно опасны, но нигде не сказано, что они гостеприимны, готовы

прислуживать за столом, угощают гостей едой и напитками. Жаль, но он не осмелится заглянуть в горящие огнем глаза бога.

– Великий бог, я знаю, что не достоин даже твоего взгляда, но раз ты так любезен, скажи мне, как твое имя и чем я могу отблагодарить тебя за заботу? – Вопрошает трагил Эльяр.

Долго нет ответа и самого инака не видно, только тени так искажены на потолке, словно рыдают навзрыд. Впрочем, то лишь кажется. Вскоре бог с головой черной собаки возвращается с корзиной фруктов и кувшином вина. Его движения изящны и на Гвале он мог бы стать первым слугой карнавала.

– У меня нет имени, смертный. Зачем оно мне? Я здесь совсем один, кто бы стал называть меня по имени? И не надо благодарить того, у кого нет имени.

– А сколько времени ты находишься в мирах Дальней волны творения?

– Не помню, слишком давно, чтобы иметь к чему-либо интерес. Выпей вина, оно согреет твое тело.

Эльяр делает глоток и голова его кружится. Он замечает, что на самом деле не инак наливает вино в бокал и не он кладет фрукты на блюдо. Это делают тени, которые отклеиваются от стен и потолка пирамиды, чтобы прислуживать своему богу.

– У меня так много вопросов к тебе, великое древнее существо, но я не знаю, вправе ли я задавать их тебе?

– Конечно, ты заслужил знать все, на что хватит твоей смелости.

Господин пирамид наклоняется к магистру и легко проводит по мокрым от снега волосам. Эльяр забывает обо всем на свете, вопросам больше нет места в голове. Он погружается в сладкие грезы и сон одолевает магистра, тело расслабляется и сам не замечает, как коварный Гипноз убаюкал его в мягкой кровати из волшебных снов. Как только гость засыпает, движение теней становится интенсивным, они мечутся по комнате, гасят масляные факелы и разбрасывают то, что осталось от трапезы гуманоида. Иначе смеется, сначала тихонько, сдерживаясь, чтобы не потревожить сон гостя, потом сильнее и наконец во всю мощь легких, так, что стены содрогаются.

Тени собираются вокруг его головы и шепчут:

– Что это за вино, господин?

– Вино? Здесь, на Летаргии? – Удивлен господин. – Вы видели где-нибудь виноград, из которого можно изготовить вино? Или там, на дне пропасти, есть винный заводик, который производит напиток для одурманивания гуманоидов?

– Нет, господин...

– Нет, господин...

– Нет, господин...

– Это моя кровь. Я же должен быть приветлив к гостю!

И снова смеется. А стол, за которым ел гость, становится алтарем. Он исписан иероглифами, которые не известны никому в Дальней волне творения. Но если присмотреться, то узор на теле инака и иероглифы похожи. Кувшин с темным напитком падает и красная кровь растекается по алтарю. Фрукты превращается в пепел, а смоляные факелы стекают жидким сном по стенам пирамиды. Если бы видел Эльяр все это, то отдал бы правую руку, чтобы убраться прочь из пирамиды инака, но он безмятежно спит на кровавом алтаре, вольно раскинув руки, и снится ему как древний бог делиться с магистром трагила-сай секретами мироздания.

– Великолепное тело, – шепчет инак, поглаживая трепетной дланью обнаженные ноги Эльяра, – не первой свежести, но тело магистра, а не простого гуманоида! Дух его велик, намерения чисты, а преданность Трагу могла бы войти в легенды. Смотрите, жалкие тени, перед вами совершенство! Никто из вас не был так велик и не потратил столько усилий, чтобы приблизиться ко мне! Никто не был так целеустремлен, чтобы добраться до Летаргии самостоятельно! Никто не успел отведать вина из моей крови!

– Так что же, господин, он будет на особом положении? – Шепчет тень изумрудной ящерицы, что больше пирамиды в три раза.

– Не знаю, как он, а я точно буду!

Инак достает из стены длинный изогнутый кинжал. Тени замирают, – момент, который они ждут иногда тысячу

циклов, наступает. Они трепещут, как рваные флаги на ветру. Каждая тень вспоминает свою жизнь, каждая сожалеет о том, чего нельзя вернуть назад. Воздух отравлен их мыслями о смерти, но это не мешает начаться церемонии. Бог, похожий на возбужденное животное, вонзает в свою широкую грудь кинжал, на котором рубиновое капли, не то вина, не то крови. Его морда искажена от страсти и ужаса. Он умирает, теряя себя. Его дух перетекает в кинжал и кинжал заполняется сияющей силой, он и есть дух существа, что не желает иметь имени. Лишь миг он медлит и потом мертвые пальцы разжимаются и кинжал мягко входит в грудь Эльяра, чтобы вдохнуть в него новую жизнь. Тени закрывают тело своего нового бога, потому что никто не должен видеть, как происходит трансформация. Первыми удлиняются уши...

Три божественных зерна упали в почву, третье упало в тело гуманоида, чтобы навсегда стать его хозяином ...

Только здесь на Траге тридцать три реки пересекаются в одном месте. Как это может быть, никто не знает, но для магистров, живущих в шестнадцати измерениях, в этом нет противоречия. Маги этой планеты используют всё, что есть в их мире, чтобы очищать и совершенствовать свой дух, ибо каждый из них мечтает об одном – перейти в своем физическом теле в Средние миры.

Вот и сейчас, в месте, где пересекаются тридцать три реки, высокий и худой человек с седыми волосами качается на ветру, впуская духов в свой безмятежный разум. Он легок, как перышко и грация его тела достойна похвал. Только он один на Траге может управлять стихией тридцати трех рек, поместив в них длинный прут. Он привязан к пруту, чтобы сильный ветер не унес его, парящего над водопадом шириной в тридцать три реки, что срывается в пропасть, у которой нет дна. Это лучшее место для медитации верховного магистра трагила-сай, самого старого существа на планете. Пятьсот пятьдесят пятый раз он встречает весну на Траге. Зовут его Тран Сид Силити, его родина Траг, хотя, если смотреть долго в глаза магистра-ящерицы, можно принять его за выходца с Рангзаса, мертвого мира, о котором никто не смеет

упомянуть при верховном магистре.

Духи сегодня сильны, их всего два, но в них вся демоническая сторона Трана Сида Силити. Один – как ночной ветер, как последний вздох умирающих сумерек, почти невиден, но жалит больно, и слепит так, что магистр готов развязать узел и, поддавшись порыву ветра, улететь в мягкие небеса. Второй имеет череп гуманоида и скелет животного, сидит все время неподвижно возле мага и задает едва слышно свои вопросы. Он совершенно невыносим. Имени у него нет, но от того дух еще настойчивее, еще больнее ранит; бессистемен, как сам хаос, видит насквозь и безжалостен, как сын Некроникуса.

...уверен... уверен ли ты, магистр, что кровь твоя чиста? –
Доносит ветер вопросы духа и игнорировать их невозможно.

– Не уверен. Но я гуманоид и этого достаточно.

...не правда. Я вижу тень в твоих мыслях. Ты запретил негуманоидным расам поступать в ученики к магистрам. Почему?

– Это оправданная мера. Негуманоиды непредсказуемы, мы не умеем работать с их энергетической структурой, мы...

...ты не знаешь, на что они способны и это пугает тебя.

– Может быть и да. Я никогда не буду учить магии трагила-сай трактоида или кибериода. Это поставит под угрозу выживание всей расы гуманоидов.

...разве тебе... тебе решать?

Магистр молчит. Тьма входит в его сердце и холодная мокрая ночь становится беспощадным ливнем. Тран Сид Силити смеется. Искушения духа пока просты, но видимо он только разминается. И он видит магистра насквозь, словно открыто читает книгу чужой души.

...тогда убей их всех!

– Кого?

...у кого четыре руки, у кого клыки зверя, а не зубы гуманоида. Убей сейчас, потому что потом их станет еще больше. И тех, у кого хвосты и кто выше тебя ростом или содержит ген мутации. Убей трактоидов, пока они не так сильны, как в следующем эоне...

– О чем ты там говоришь?

...я знаю будущее, богиня Микротена делится со мной. Раса трактоидов захватит Траг и сотрет его из истории космоса. Тела магистров будут пищей ящеридам, и не найдется никого, кто защитит Траг. Нападение будет неожиданным, сначала они взорвут Окутану 2, а потом вгрызутся в твое тело...

– Ложь.

...может быть, а может быть и нет. Тебе решать.

Второй дух пронзает тело магистра и удар этот как порыв ветра. Он не задает вопросы, он оживляет память и лучше бы воспоминаний не было совсем. Тран Сид Силити вспоминает смерть и от этого становится таким тяжелым, что едва

удерживается на ветру. И тогда первый демон вновь искушает магистра.

...ты любил его. И убил, быстро и без сожалений. Разве ты не любил его, Сид Силити?

– Таковы правила. Я не могу их изменить. Магистров не может быть больше, чем 675 тысяч, это божественный закон. Никто никогда не нарушал это правило, иначе нельзя.

...я мог бы рассказать тебе историю Кая Морэйна, который нарушил это правило, но это случится намного позже и потому ты мне не поверишь. Ты убил того, кто подарил тебе мудрость управлять миром. Ты – ничтожное животное.

Ему плохо. Холодный ветер блуждает по пустому телу, свистит в голове и шелестит пеплом. Сид Силити мертв, очень давно, его пустое тело лежит на дне пещеры, куда его положили ученики. Кто-то из них занял его место, так же, как и он в свое время стал магистром вместо Жалина Никла, великого светлого мага с сердцем, открытым всему живому в мире. Убить его было легко. Он даже не принял вызов. Убить его было так тяжело, что Сид Силити чуть не сошел с ума. Да, он любил его, как никого больше...

...не правда... не правда... так же ты любил Зелу. Помнишь?

– Нет, не желаю помнить! Замолчи, дух!

...она была столь юной, что ее влагалище еще не сформир-

ровалось. Ее ты тоже убил.

– Не правда!!!

...что ж ты, верховный магистр, весь в крови? Конечно, ты ее не убивал. Ее убило племя, потому что она несла свой позор открыто и смело. Не как ты!

– Это было давно. И я уже расплатился сполна. Уже чetyреста пятьдесят циклов мое сердце на замке, а чресла бесполезны как лунная трава днем. За мной нет греха!

...грех... грех... ты весь провонялся им. Разве не ты спровоцировал три войны подряд, когда отказал в убежище звездолету катавров? А знаешь ли ты, что было...

– Сгинь!

Тран Сид Силити толкает призрачную фигуру, что сидит возле него и дух уходит, чтобы прийти тогда, когда мудрый магистр будет готов к новой встрече. В тот же миг ветры перестают выть, как раненые волки и тьма уходит в пропасть, а три яркие луны светят как никогда ярко. Магистр падает на землю и корчится от боли. И это не от слов духа, хотя они и задевают за живое. Происходит нечто ужасное – умирает другой магистр трагила-сай, где-то далеко, незнакомый маг, но верховный магистр умирает вместе с ним. И такую же боль чувствуют все, кто находится на Траге. Нет хуже боли и нет ужаснее того холодного чувства, что заполняет Сида Силити до краев. Он слышит, как его зовут по имени и не может вспомнить, кто он...

– Великий магистр! Вы чувствуете? Великий магистр!

– Чувствую. Не кричи! Умер один из нас. Умер насильственной смертью.

– Да, мы все это ощутили. Я думаю, это Эльяр, магистр. – Их шестеро, его помощников, как и должно быть. Трое светлых, чистых и три убийцы, ставшие магистрами. Все они гуманоиды, все прекрасны, сильны и мудры. Глаза их горят темным огнем. – И это нонсенс... Никто в этом зоне не смел убить трагила.

– Значит, поиски Эльяра увенчались успехом. Он искал инака... – Вздыхает Сид Силити.

– Что мы будем делать, верховный магистр? Нельзя оставлять такое преступление ненаказанным в то время, когда наш орден так силен и правит всем разумным космосом...

Это преувеличение, далеко не всем космосом. Есть еще планетарный пояс Рив, который никому не подчиняется; есть трактоиды, рассеянные по периферии Живого космоса; есть кибер-миры, не признающие власти гуманоидных рас; есть независимая планета Сеп, полная ненависти к трагила-сай. Есть еще много мест, где даже не слышали о власти Трага и ее магистров.

– Мы соберём магов в волшебном месте Мог, чтобы узнать истину и увидеть лик убийцы. – Предлагают магистры. – Тот, кто находится в Дальней волне творения, не может быть богом, а любому другому существу мы подпишем смертный приговор. Смерть взывает к смерти.

Он видит, как по спинам учеников пробегает дрожь, а глаза магистров горят жадным любопытством. Уже тысячу циклов никто не собирал магистров в волшебном месте Мог, хотя и никто никогда не смел убивать трагилов без их согласия покинуть Дальние миры. Сид Силити спускается с горы, не дожидаясь своей свиты, он спешит покинуть место пересечения тридцати трех рек, ибо до сих пор слышит смех и шепот духов, которые поют песни смерти.

Место Мог не существует где-то или когда-то. Оно как цветок, что раскрывается в душе каждого магистра. Их тысяча, а может быть и больше. Никто не считал и в этом нет смысла. Лишь истинные магистры трагила-сай могут отозваться на призыв Мог и быть в кругу посвященных. Ученики могут подняться на пятый уровень и оттуда наблюдать, если их сил хватит. Мог нашел в энергетических лабиринтах первый верховный магистр Атарксин Красный и было это на заре Трага. Он первый позвал магистров, что находились в разных мирах, присутствовать в месте Мог, чтобы принять меры по отражению атаки мятежных ривайров.

Место Мог существует ровно до тех пор, пока есть общая потребность в нем. Чтобы попасть туда, нужно лишь услышать зов Мога, но это дано не каждому. Для тех, кто смотрит обычными глазами, Мог похож на шахматную доску, на которой застыли призрачные фигуры. Мог и правда не больше, чем феерическая плоскость, что парит в черном небе.

тие. Лишь те, кто покинул свое тело и прибыл сюда, как сновидящий, создает его своими мыслями. Для магистров место Мог – самая большая загадка Дальних миров, ибо оно не должно существовать. Они сидят на прозрачной плоскости в пустоте, они чувствуют холод открытого космоса, они подобны простыням на ветру, прозрачны и мертвы, но они существуют здесь прямо сейчас, в волшебном месте Мог. И все они, живые и мертвые, соединяют руки в магическом круге. И никто не может уйти, пока в центре плоскости горит синее пламя, еще более холодное, чем ветер в космосе.

Сид Силити видит тех, кого не надеялся увидеть – Легею из мира Транкаст, триста циклов назад покинувшую Траг; Вента Деуса, великого магистра, ушедшего в средние миры еще раньше, чем Легея. Он видит Кастана Драя, проклятого мага, продавшего свои знания расе чудовищных зонаторов и утратившего свои регалии магистра. Однако Мог призывает и его, а значит, регалии ничего не стоят для высших сфер.

Рядом с ним находится вечный младенец Кис, сомнительный экспериментатор, давно лишивший себя и тела и души. Напротив сидит в небрежной позе маг Серебряный. Его бы Сид Силити не пустил в Мог никогда, и не только потому что Серебряный не гуманоид и даже не имеет имени, а потому что этот предатель передал знания трагила-сай извращенным сиджанам и теперь они лишь смеются над магистрами Трага. Но место Мог позвало всех, кого сейчас нужен.

Здесь все равны. Все подчинены одной мысли, одному намерению и руки всех эфирных тел соединены, даже если это руки убийц или врагов. И нет нигде в мире другого места, где все личное было бы столь не важным!

Они сновидят лицо врага и лицо вскоре появляется из голубого пламени, что холоднее, чем дыхание Некроникуса. Лицо меняется, как будто внутри его тысяча существ и все были им и все есть его лик. Лишь когда Сид Силити желает остановить время, остановить движение, лик инака застывает и это лицо Эльяра. У инака нет своего тела, вот зачем он ждет любопытных! Вот почему Живой космос полон слухов о мудром боге, живущем еще до начала сотворения Дальней волны. Все это уловка, чтобы отвратительная нежить обрела тело!

Приглядевшись еще, он видит, как выглядит оболочка инака – черная с синим кожа и голова собаки, звериные ноги и руки гуманоида. Он не умеет улыбаться и он окружен тенями, это мертвые духи тех, кто уже подарил ему свое тело. Ничего более отвратительного Сид Силити не видел за свою долгую жизнь. Он первый разрывает магический круг, потому что боль от созерцания врага с ликом Эльяра так сильна, что он не может продолжать. И возвращается в монастырь в городе Сафк, что есть центр мира Траг, чтобы упасть на пол и залиться слезами бессилия.

На следующий день, как только красное солнце Трага восходит над поверхностью океана, Тран Сид Силити объявляет войну инакам. Отныне безымянные существа, продлевающие свою жизнь за счет чужой жизни, объявлены врагами магии трагила-сай. За их смерть назначена награда: клинок второго магистра света. Бесценный дар и драгоценная вещь прельщают многих воинов и магов, так что вскоре отдельные звездолеты покидают Траг, чтобы навсегда бесславно потеряться в черном космосе. Все они смело ищут инака и находят лишь свою смерть.

Проходит семь оборотов Трага вокруг своей оси, но даже следа инаков не найдено. Верховный магистр мрачен, как грозовые тучи Окутаны 2. Стройка великого моста остановлена, мистерии не проводятся, магический путь длиной в жизнь пустует и Траг застыл, обращая молитвы к солнечному Меродаху, повелителю мистерий. И тень огромной птицы падает на Сафк, чтобы ранить сердца всех магов. Еще один магистр, старый Нем Гардник погиб на рассвете, он стал новым телом инака, когда нашел его на Летаргии в пирамиде, что плывет в облаках.

Тысячи звездолетов летят на Летаргию, воины и магистры полны праведного гнева, но пирамида пуста и черного инака там уже нет. Однако то, что магистры находят в пирамиде, заставляет ужаснуться даже самого стойкого и мудрого из них – Тран Сид Силити видит как мечутся безумные тени,

брошенные своим мрачным хозяином. Они слепы и не видят входа в Средние миры. Часть их жизни осталась в новом теле инака, что не дает им умереть. Это проклятье богов, не иначе!

Как не затыкает он уши, стоны Эльяра слышны, как ни закрывает он глаза, все еще видит его смерть, как не желает заставить молчать сердце, не может. Никто из магистров не знает и никто из учеников не догадывается, почему так печален Сид Силити.

Он всегда знал, что Эльяр уйдет рано или поздно. Он не был рожден на Траге, и он не был самым лучшим из магистров. Совсем не знал своей матери, был очень далек от верховного магистра, но так отчаянно желал найти то, чтобы сделало его особенным; то, что примирило бы их обоих. Грешный сын грешного отца, вечный странник и идолопоклонник. И его тело стало сосудом для чужого разума, для существа, настолько иного для всей волны творения, что даже слова проклятий бесполезны.

Верховный магистр принимает решение, которое станет началом конца, но он не думает об этом, он только желает отомстить за Эльяра и погибшего магистра Нема Гардника. Его ненависть к инаку так черна, что согревает душу Некроникуса, а намерения так очевидны, что никто из магистров не решится остановить его. Что ж, таковы пути смертных, они усеяны осколками надежд, полны тягучими кап-

лями недоверия и струятся потоками нетерпимости. Увы, но и магистры трагила-сай всего лишь смертные в Дальних мирах. И в их золотых сердцах достаточно страсти и жажды, для того чтобы умереть как обычное существо. Их магические силы, которыми они овладели, дают им несомненное превосходство, но не дают возможности яснее видеть своё будущее.

«Пусть звезды упадут с неба тебе на голову! Пусть боги смерти провалятся в Средние миры, чтобы обвинить тебя! Пусть каменное Дно миров станет реальностью твоих дней, а ночью пусть зверь из черной дыры Ракс-Баа грызет твою плоть, проклятый инак!» – Так говорит магистр Тран Сид Силити, смотря в черное небо, что пожрало его сына и с тех пор магия трагила-сай больше не защищает тех, кто посвятил ей всю жизнь, потому что боль верховного магистра сильнее трагила-сай, намного сильнее.

3

Миры Дальней волны, пространство возле планетарного пояса Рив

Слушайте, смертные, тайну всемогущего Рива!

Всего в планетарном поясе двадцать семь планет, все они обитаемы, все они уникальны. Рив – ошибка богов, их великий недосмотр. Ничего подобного не должно быть в Дальней волне творения, ибо это нонсенс пространства.

Живущий вопреки, Рив велик и непобедим, сила его воинов неоспорима. Двойное солнце, что сейчас зовется Гралис, два эона назад расколосось на два фрагмента и одна его часть стала планетами, что подобно поясу на талии красавицы, опоясывают сверхновую, горящую столь ярко, что Рив едва выдерживает жар светила. Две самые большие планеты соединились и названы Рив, там и зародилась цивилизация самых загадочных существ Дальней волны. Со временем их стало так много, что все двадцать семь планеты стали обитаемы, на всех построены чудесные города, несмотря на бесконечный горячий песок, малое количество воды и металлические горы. Раса ривайров выше гуманоидов с Трага в два раза, сильнее в три и умнее в десятки раз. Внешне ривайры могли бы походить на гуманоидов: они имеют схожие конечности, хотя прямохождение – не единственный их способ пе-

редвижения. Они способны быстро прыгать и бегать на четырех конечностях. Некоторые имеют подвижные хвосты или зачатки крыльев, но это не более чем атавизм. Но их различие с гуманоидами огромно, эта пропасть пролегает в полиментальности их личностей и возможности трансформировать молекулярную структуру тела.

Тайна рождения ривайров столь тщательно охраняется от любопытных, что даже магистры трагила-сай до сих пор не знают, как появляются на свет новые ривайры. Никто никогда не видел детей с планетарного пояса Рив и старых ривайров тоже. Новый ривайр приходит в жизнь всегда с одной основной личностью, он сразу называет миру свое имя и намерения в отношении космоса и, пустившись в поход, в боях выращивает новые личности, которые позволяют ему выигрывать любой бой. У ривайров три пола: женский, мужской и андрогин, но последних со временем осталось очень мало. Их существование есть насмешка над богами, потому что существо, содержащее в себе все необходимое для гармонии, не стремится к развитию и является настолько самодостаточным, что не желает познавать мир и себя. Впрочем, ривайры всех полов не верят в богов и ведут свои поиски смысла, не смотря на сложившиеся в Живом космосе представления о мире.

Умирают ривайры тогда, когда выращено достаточное количество подличностей и поиск смысла жизни завершен. Ку-

да они уходят после смерти – такая же загадка, как и их существование. Иногда они образуют группы, военные отряды, чтобы легче было вести войны или поиски, но встречаются и одинокие ривайры, чьи вылазки раздражают гуманоидные миры даже сильнее, чем объявленные войны. Трагилы считают, что вскоре боги обратят внимание на планетарный пояс Рив и исправят свою ошибку, уничтожив такую необычную и неестественную расу. Впрочем, у ривайров совсем другое мнение.

Непобедимыми воинами их делает умение сращивать свои тела с металлом и на непродолжительное время становится живой машиной-убийцей. Достаточно нескольких грамм металла, чтобы вместо воина с хрупким телом появился железный истребитель или заряженное оружие. Во что трансформируется ривайр, поглотивший металл, не подчиняется никакой логике и такое преобразование ограничено лишь фантазией ривайра, больше ничем. Однако чаще всего тела ривайров принимают форму боевых звездолетов, которые в бою становятся непобедимы. Кибероиды с планеты Кибертроникус давно ведут незаконную торговлю с ривайрами своими последними техническими разработками и потому трансформации ривайров иногда напоминают оружие роботов с Кибертроникуса. Есть и те, кто любят более изысканные формы и ищут свое вдохновение на периферии Живого космоса и тогда их формы ни на что не похожи

и смертельно опасны.

Долгое время весь планетарный пояс Рив был объявлен карантинным миром и цивилизованный космос не желал вступать с планетарным поясом в экономические и культурные отношения. Но молчание длилось не долго. Расплодившаяся непомерно раса трактоидов выплеснула свою жажду и злость на Траг, Сеп, Окутану и еще тридцать две планеты, желая стирать в пыль целые миры и пожирать мясо гуманоидов на обед. И только Рив смог остановить нашествие ящеров, чьи ментальные способности превосходили все живое. Война была недолгой, но кровопролитной, половина жителей Рива погибла, но победившие стали втрое сильнее.

Живой космос во главе с Трагом выразил признательность воинам-ривайрам и скрепя сердце признал Рив миром равноправным и полноценным. Это было в пятисотом цикле прошлого эона и с тех пор затаившаяся неприязнь к сверхсуществам, поправшим законы богов и пространства, только возросла. Гуманоиды предпочитали не встречаться с мрачными звездолетами ривайров, кибероидные расы поставили защитные поля на своих планетах, потому что воровство изобретений и интеллектуальной собственности возросло в геометрической прогрессии с тех пор, как Рив дал отпор трактоидам и загнал Ракс-Баа, монстра всех монстров в пространственную щель. Но всегда были и прогрессивные умы, которые считали ривайров полубогами и преклонялись

пред их красотой и силой. Эти существа были счастливы, что милостивые боги позволили им любоваться красотой и грацией ривайров, потому что они уникальны. Нет ни одной расы в Дальней волне творения, похожей на ривайров.

Все ривайры воины, женщины сильнее мужчин, андрогинны самые слабые, но сила их ума великолепна, а искусство перевоплощаться в металл поражает воображение. Металл, ставший частью их тел, есть везде на планетарном поясе, а вот растений нет совсем. Ривайрам не нужны деревья. Не верующие ни во что, не зависимые от религиозных и философских систем, они безжалостные воины. Металл не только в их телах, но иногда кажется, что и в их сердцах, и это делает ривайров непобедимыми. Они ни перед чем ни останавливаются, никого не жалеют, в том числе и самих себя, победить их невозможно, устоять перед ними нет сил. Рив давно бы завоевал весь Живой космос, превратив трагиллов в пыль, но этого не происходит, потому что ривайрам не свойственно объединяться. Их много, но они действуют каждый в своих интересах и зачастую эти интересы полностью не совпадают.

Если нет твердой пищи, ривайры могут поглощать рассеянную в космосе энергию, потому что путешествуют они налегке, без припасов, без скафандров, только с некоторым запасом металла на борту. Они агрессивны и презирают слабые

тела гуманоидов, даже не считают их достойными противниками. Вся их жизнь – сплошная битва, ибо, как они считают, только на войне можно совершенствовать свои подличности, закалять множественный дух и познавать радость соединения с металлом. Иногда они грабят мирные звездолеты, потому что отчаянье и страх слабых веселят воинов Рива. Иногда оставляют энергетические сети для тех, кто осмелится приблизиться к их миру, а потом забывают проверять ловушки, в которых запутываются звездные корабли и существа.

Некоторые маги Трага считают, что по неизвестной гуманоидам причине, боги слишком терпеливы к ривайрам. Однако они ошибаются, потому что вскоре настанут времена, когда гордые воины придут просить помощи у Живого космоса и это будет их самым огромным унижением и поражением.

...Паралис Мег – андрогин и гордиться тем, что он один из последних. Он огромен и на первый взгляд очень brutalен: широкие плечи, сильные руки, коротко остриженные волосы, но голос его мягче, чем у мужчин-воинов и пальцы тонкие и длинные, как у всех андрогинов, пальцев всего четыре на одной руке. Грудь нет, потому что ее нет и у женщин Рива. Это еще одна загадка расы ривайров, но еще не нашлось того, кто бы осмелился спросить, как рождаются и вырастают их дети.

Мег бороздит космос на черном огромном звездолете и на его обшивке изображен череп гуманоида, что не предвещает при встрече ничего хорошего. Он великий воин и стратег. На его звездолете под названием «Черный ветер» находятся еще два ривайра – женщина, чье имя никто не приносит вслух и воин с Темной луны, Раникс Лат. Лат имеет триста шестьдесят подличностей, он молод и доволен своим образом жизни. Женщина-воин не говорит о своих подличностях и имеет на это полное право. Сам Мег имеет тысячу семьсот подличностей, но считает, что это слишком мало для его сильного духа, он мог бы вместить втрое больше. Все они ненавидят трагилов и если бы Траг взорвался на их глазах, они бы тихо радовались, провожая созерцая мертвые обломки. Цель, с которой они пустились в поход, скрыта, отношение ко всем мирам, кроме Рива, выражено символом черепа на обшивке звездолета под названием «Черный ветер».

– Мег, я чувю приближение гуманоидов.

– Не ты одна. Готовьтесь к бою.

– Мы всегда готовы.

– Но они пока еще не напали, великий воин!

– Я думаю, Раникс Лат, ты стал слишком ленив последнее время. Может быть, ты полон сочувствия к этим презренным тварям, посмевающим в своих мыслях сравнивать наше величие со своей бесполезной властью?

– Если ты хочешь войны, я пойду на войну.

Он присматривает пару железных крыльев. Одни великолепные, серебряные с алым, совершенной и законченной формы, их изготовили на заказ кибероиды. Вторые в черной засохшей крови, выломаны из истребителя мира Сеп, зеленая краска на них почти облупилась, но именно эти крылья заставляют взгляд ривайра задержаться. Он готов к бою, он рад бою, он мог бы воевать против целой армии. Но что-то звучит диссонансом в его ощущениях, когда он думает о бесславной смерти гуманоидов.

– Тогда что не так? – Недоволен Паралис Мег.

– Это не те силы, которые мне интересны. Я хочу найти равных противников, желаю настоящей победы, когда кровь врага и собственная заливают лицо, когда ноют усталые от битвы кости, когда тело не может держать металл и отторгает его в разгар битвы. Я хочу трудной победы, ран, которыми мог бы гордиться и великих битв, о которых рассказывал бы своим потомкам.

– Увы, гуманоиды измельчали. – Женщина-воин задумчива и всматривается в черное небо, где кроме звезд ничего не видно.

– Мы можем наведаться к трактоидам, если вы заскучали. – Пожимает плечами Паралис Мег. Его больше интересуют исследования, чем войны. Его крылья хранятся в хвосте звездолета, но это не делает его менее опасным, чем остальные ривайры.

То, что они видят спустя некоторое время, заставляет ривайров не спешить в бой. Перед ними совершенно прозрачный звездолет, словно созданный темной магией из воды. И это не чудо техники, а магическая сила духа гуманоида, что носит красно-черный плащ с изображением Меродаха, повелителя мистерий. Звездный корабль сделан из слез, а в нем тело магистра, может, он спит, а может в глубоком анабиозе. Беспомощный сон равносителен тому, что он сдается на милость ривайров.

– Я узнаю этого гуманоида. – Говорит женщина и отбрасывает крылья.

Она уходит в свою каюту на звездолете. То, что должно происходить дальше, не интересует ее. Если гуманоид просит об услуге и битвы не будет, она предпочитает уснуть и проснуться лишь тогда, когда услышит звон мечей и почувствует запах металла.

– Кажется, я тоже его узнаю. Мы должны убраться отсюда побыстрее и тогда плохая судьба не достигнет нас. – Недоволен Паралис Мег.

– Кто это, Мег? Что это за магия? И почему нам лучше улететь?

– Это главный магистр трагила-сай. Мы не можем ни убить его, ни взять в плен. Он пришел что-то сказать и хочет, чтобы мы выслушали. В виде жеста доброй воли он дарит нам видение этого корабля.

Раникс Лат всматривается в тело гуманоида, чьи седые волосы тянутся за кораблем, как шлейф. Он абсолютно слеп и неподвижен. Лат не видит никаких причин, почему нельзя убить гуманоида, даже если он великий магистр.

– Нельзя. – Паралис Мег знает, о чем думает другой ривайр, и так было всегда: мысли тех, кто рожден на Риве, слышны другим ривайрам как свои собственные. – Начнется война с гуманоидами, нас всего трое, а их миллиарды. Представляешь, какая война будет скучная и продолжительная? Она затянется на целый эон и мы скорее умрем от скуки, чем победим эту орду.

– Ладно. Что ему надо?

– Открой шлюз, пусть зайдет на борт, но клянусь солнцем Рива, это будет первый и последний раз, когда вонь гуманоида осквернит мой звездолет. И оденься, Раникс Лат, гуманоиды не переносят наготы. Их мысли начинают путаться, а руки слабеют. Наша красота их убивает.

Тран Сид Силити сильно рискует, принимая приглашение космических убийц, мир с которыми столь ненадежен, как вечерний ветерок на Траге. Но другого выхода он не видит. Вчера он вырвал свои глаза, чтобы они не мешали принимать решение и обольщаться формами. Что-то говорит магистру, что встреча с ривайрами может сильно угрожать его жизни, а потому глаза будут только искушать. Он прекрасно видит их энергетические тела и этого вполне достаточ-

но, чтобы молча восхищаться даром силы, что награждены ривайры. О Паралисе Меге он слышал много интересного, но не знал, что перед ним андрогин. Андрогин-ривайры непредсказуемы. Паралис Мег может убить гуманоида, а может с интересом выслушать или пригласить к себе на Рив. Тран Сид Силити подарил ривайрам видение прозрачного корабля, что до сих пор парит возле их черной громадины и надеется, что это смягчит рожденных на Риве. Он видит трех ривайров и один из них удалился, что означает сразу ответ «нет», двое же других остались, что дает магистру шанс на успех.

– Рад приветствовать вас, великие воины, пусть солнце Рива всегда согревает ваши планеты. – Магистр говорит на высоком слогe Живого космоса и поднимает руки над головой, что во всем космосе служит знаком мирных намерений. На самом деле, Сид Силити натянут, как струна и тело его окаменело от напряжения, но показать врагам свои страхи он не может. – Я пришел с миром.

– Ты принес грязь в мое пространство! – Паралис Мег не слишком приветлив, как впрочем, и все ривайры. – Ты магистр трагила-сай, оплакиваешь смерть своего сына, в то время как по твоим же законам у тебя не должно быть потомков. Возможно, ты великий магистр, но ты не безупречен и сейчас я должен тратить время на то, чтобы выслушать твой слезливый рассказ о том, кто убил твоего незаконного

отпрыска.

– Все так, воин Рива, но если я жив до сих пор, значит, ты готов меня выслушать.

Наступает долгая пауза. За это время ривайры с любопытством разглядывают верховного магистра Трага, который посмел прийти к ним, не спрашивая, желают ли они встречи с ним. Мало того, он еще и дерзит, полагая, что они в любом случае не тронут его во избежание войны.

– Хорошо. – Неожиданно соглашается Паралис Мег, и к его тонким изящным пальцам прилипает металлическая бляшка, что секунду назад была украшением мантии магистра. Рука ривайра становится металлической и он сжимает бляшку, превращая ее в бесформенный лом. – Мы выслушаем тебя, потому что любопытны. Но, видишь ли, мы обнажены перед тобой, а ты одет. Это неуважение! Впрочем, ты ведь не видишь, у тебя нет глаз!

Они усмеваются, полагая, что слепой магистр не видит их белых плащей. Но гуманоид только улыбается в ответ:

– Оставим все как есть. Раз я слеп и не вижу вашей наготы, то и вам не обязательно видеть мое тело. Оно живет пятьсот циклов. Это тело старика.

Ривайры снова усмеваются. Они знают, что магистр силен не смотря на возраст, но не возражают. Ход его мыслей забавляет воинов с Рива. В их мире война как секс, полна воз-

буждающего трепета, ласкает тела и умы, обещает и манит. Битва похожа на половой акт. Именно во время сражения в глубине их сознания рождаются новые подличности, наполняя все тело ривайра невероятным удовольствием. В этот миг ривайр бывает беспомощен, но именно ради этого мига он бросается в битву как безумный. Секс, наоборот похож на войну. Приходится воплощать хитроумные планы, чтобы заманить своего партнера. Хитрить, ждать в засаде, прибегать к насилию, заключать перемирия, нарушать их, идти напролом, умолять о пощаде и получать в награду долгожданную победу.

Среди ривайров редко кто добровольно соглашается на секс, для него должен быть достаточный повод. Потому некоторые ривайры не против других космических рас в качестве сексуальных партнеров. В редкие минуты бездействия, в тишине между сражениями, воины Рива могут легко расценить даже гуманоида пригодным к сексу, если конечно он молод и прекрасен. Безобразные тела отталкивают рожденных на Риве. Поэтому их интерес к магистру имеет под собой некоторые скрытые основания.

– Если ты не уважаешь наши обычаи, то будь краток и покинь наш звездолет, пока совсем не наскучил нам. – Презрителен Паралис Мег, который понимает, что магистра ему так просто не одолеть.

– История моего сына вам уже известна, кто я, вы тоже знаете. Поэтому я сразу перейду к делу: я могу предложить

вам самую грандиозную битву во Вселенной...

А что может быть для ривайра интереснее, чем хорошая битва?

...двадцать два цикла длится битва с инаком, которого ривайры находят без труда. Сначала им кажется, что перед ними легкая добыча и старик Сид обманул, но через некоторое время они понимают, что существо, подобного которому они еще не встречали, лишь смеется над ними, изображая равную битву. Инак играет с ними, как обычно ривайры играют со своими врагами перед тем как одержать полную победу. Но к тому времени уже поздно, воины Рива втянуты в бой, который им никогда не выиграть...

На двадцать третий риварский цикл трое ривайров мертвы.

Смерть одного как смерть каждого. Они чувствуют, как тела их сородичей выброшены в холод космоса. Никто не смеет прерывать развитие и жизнь ривайра без его согласия. Воины Рива – самые сильные в Живом космосе, до этого времени они были непобедимы. Умертвить сразу же троих в один миг может только тот, кто не боится отправиться на Дно миров. Миллионы ривайров подавлены и чувствуют вкус крови на языке. Они холодны и сосредоточены. Корабли Рива уже выстроились хищным клином, чтобы уничтожить одно единственное существо, у которого даже нет имени. Им не нужны карты и не нужны слова, знание рождается из глубины сердец и становится общедоступным. Они знают, где их враг, где тот, кто посмел оскорбить непобедимых воинов, единственных настоящих воинов во всей Дальней волне.

Смерть будет быстрая и безболезненная, а дух отправится на Дно миров, чтобы две тысячи эонов до скончания жизни влачить там невыносимое и мучительно тяжелое существование. Без надежды возрождения, без возможности вернуться в Дальние или Средние миры. Ривайрам не нужно быть магистрами, чтобы проводить дух врага на Дно миров, каж-

дый из них легко сумеет унизить мертвеца.

Сколько их, – никто не считал! Черны орудия и смерть в глазах. Сам Некроникус не смотрит на воинов Рива, так нестерпимы их мысли о мести. Они сегодня не будут сражаться...

Тран Сид Силити доволен. Он спрятал свой звездолет за красным астероидом, которых много вблизи мира Генстаг. Старого и заброшенного мирка, свалки, где догнивают останки древних цивилизаций, где гуманоиды выродились в звериные племена и рвут друг друга за кусок мяса. Этот мир карантинный для Живого космоса и все известные пути идут в обход него, чтобы не заразится деэволюцией, чтобы не видеть то, на что развитым расам смотреть не хочется. Мир Генстаг – клоака, вызывающий рвотные рефлекс у любого цивилизованного существа. И именно там находится инак, знающий, что огромная армия воинов Рива направляется к нему, чтобы свершить месть.

Сид Силити доволен, он устраивается поудобнее, чтобы собственными глазами видеть, как будет совершено всего одно убийство. Только это убийство способно согреть его заледеневшую душу. Только смерть инака безымянного принесет успокоение и облегчение. Он не помнит про Паралиса Мега и двух ривайров, он не помнит про двух других инаков, которые все ещё живут где-то в Дальней волне творения. Все, что ему нужно сейчас, это удовлетворение.

Он наливает себе бокал лучшего вина Трага, сорванного с янтарной лозы в Золотых холмах. Он надевает свою парадную мантию, где имя великого Меродаха, патрона мистерий, вышито чистым светом, а на обратной стороне клубиться тьма, опасная, как сам Некроникус. Всего два раза Сид Силити надевал эту мантию. Первый раз, когда был избран верховным магистром и второй раз, когда враги Трага, отвратительные трактоиды, были отброшены на периферию космоса. Сегодня он позволяет себе втереть в тело волшебные масла, от которых слегка кружится голова и всех магистров отпускает в монастырь, молиться Меродаху. Сегодня ему плевать на богов и своего солнечного патрона, сегодня верховный магистр Трага всего лишь обычный гуманоид, который потерял сына. И он пьет много вина и смотрит, когда же умрет тот, кто оказался не по зубам магистрам.

Не будь он так сосредоточен на себе, то услышал бы, как плачет Роза Дротгар, великая повелительница любви; увидел бы как неуверенно улыбается молодой Зерван, бог времени, наблюдая за ривайрами; как в бессильном бешенстве гудит тысяча богов божесьвенного Эшелона, каждый из которых знает, что смерть инака повлечет за собой. Будь магистр не так переполнен важностью, он мог бы спросить благосклонную Микротену, хранительницу будущего, что будет, когда инак умрет, но Тран Сид Силити считает себя вправе свершить свою маленькую месть чужими руками.

...нет сил смотреть на пожирающий огонь; хочется вырвать глаза, чтобы черные волны смрада, смерти и грязи не заляпали их. Волна жара заполняет вакуум, расплескав лаву и сплавленный металл. Так умирает мир Генстаг, ибо воины Рива непримиримы: они не тратят время на поиски врага, они превращают планету в пыль. Где бы ни был инак, кем бы он ни был, он не может пережить взрыв планеты. Миллиарды тонн напалма вырываются из орудий звездолетов, что есть тела воинов Рива. Сейчас Рив будет праздновать смерть врага, чье имя даже не известно. Сейчас магистр Трага будет удовлетворен и покинет сектор мира Генстаг, чтобы вернуться в свой мир, лечь в теплую постель и забыться беспокойным сном.

Нет ничего ужаснее, чем останки планеты, парящие в космосе, даже если это очень малые фрагменты: чья-то нога, чей-то хвост, чьи-то корни и чьи-то камни. Это все, что осталось от Генстага, мира, который посетил инак, безымянный сын черного бога, который считался вечным.

Меродах лишь смеется, когда видит дух инака, который затягивает на Дно миров железная воля великих воинов планетарного пояса Рив. Роза Дроттар печальна как никогда, Зерван лишь пожимает плечами: что ему игры смертных? Боги готовы пожертвовать своим бессмертным духом, чтобы вернуть инака, но уже поздно: Дно миров как гигантский

магнит притягивает испуганную душу своего вечного пленника...

Мсть свершилась и Рив подписал себе приговор. Ведь легенда говорит: *три божественных зерна упали в почву*. Инаков было трое в Дальней волне. Теперь их двое, но они видят смерть своего брата, они видят как безнадежны существа Дальней волны творения в своем неведении, видят как жесток мир к тем, кто не похож на него. Они умирают вместе с тем, кто был частью их единого существа, они безнадежно больны, они страдают так, что невозможно выносить. Разделенные зонами и миллионами парсеков, сегодня они соединяться, чтобы начать войну против Рива.

5

Пространственная петля на окраине Дальней волны

Этот мир посвященные называли слезой Кибелы. Но с тех пор, как Кибела покинула волну творения, вход в ее мир запечатан для смертных. Но не для инаков.

Она сидит на берегу бесконечного моря, что заполняет почти все пространство, потому что мир Кибелы расположен на внутренней поверхности пространственной петли. Находящимся в нем все время кажется, что они стоят вниз головой. Какая божественная сила поддерживает существование такого одинокого мира без тепла звезды, без источника света и энергии, выше понимания. Но здесь везде полно примитивной жизни – океан кишит морскими существами, воздух заполнен насекомыми, что живут лишь миг, едва успев махнуть крыльями и осыпаются мертвой шелухой на берег моря, чтобы стать зеленым песком. Растения тянутся к воде и в центре петли парят черные птицы, которые никогда не садятся на поверхность. Мир – сон, где можно грустить целую вечность.

Вскоре она видит корабль, чудесный призрачный корабль,

что несет у себя на борту того, кого она так долго не видела. Ждет с опасением, ждет с вожделением, жаждет и умирает от страха одновременно – они не видели друг друга уже больше десяти эонов. Тогда еще миры Дальней волны не были заполнены первовеществом и тьма гуманоидных разумов не засоряла божественный эфир. А потом Тау-синклит маг спел Фантастическую поэму и гармония умерла. Родились воинственные и агрессивные существа с разными телами и они убили инаков, потому что боялись. Однако дух инаков был очень силен и вошел в предмет, которым совершилось убийство. Теперь каждый, кто приходит к детям черных богов, отдает свое тело, чтобы продлить физическое существование инаков. Это закон, правило тех, кто намного старше Дальней волны.

Корабль выпускает его на берег, прекрасного и сияющего, как всегда. И он распадается на миллион прозрачных рыб, чтобы слиться с водой. Море волнуется и пена волн улетает, стремясь к пустому центру мира. Притяжение в петле Кибелы совершенно нестабильно. Он выходит из морских волн, снова став светом.

Долго стоят они на берегу, полные скорби и мрачных мыслей. Потом идут по берегу, взявшись за руки. Брат и сестра, муж и жена, мать и дитя. Она старше его на одну наносекунду и потому имеет право говорить первой. Обычно они не говорят словами, но не сегодня. Сегодня их мысли направлены

в материальные миры и требуют примитивных слова.

– Мы не можем вернуть его дух со Дна миров. Это так больно, сестра.

– Значит, мы может отправить ривайров следом! Жалкие смертные пришли к нашему брату с войной и посмели убить его и уничтожить целую планету, планетарный дух который был вполне жив и оформлен. Они подписали свой приговор. Смерть!

– Смерть! И для них так же будет закрыт вход в Средние миры. Пусть распадаются в ничто в своей убогой материальной волне.

– Но сестра, как мы закроем вход? Боги не позволят!

– Я спрячу вход, так что никто его не сможет найти, разве что видящие маги, а среди ривайров таких нет.

Они молчат и садятся друг против друга. Океан краснеет от их мыслей, серая мгла становится черными тучами, которые обрывками садятся на окаменевшие деревья. Птицы падают замертво и древний дух зла, спящий на дне петли, выходит из воды, чтобы в ужасе покинуть это место. Океан кипит и рыбы всплывают вверх брюхом, песок становится твердым и гладким. Деревья и скалы становятся алмазными, насекомые сплетаются в комок и мертвым шаром взлетают к центру петли, став самым черным из самых черных солнц.

Так долго сидят они, что руки вплетаются в плоть, а лбы

срастаются, два существа без имен становятся одним. Это великое соединение двух инаков. Это соитие, для которого нет имени, так же как и для того, что получится из него. Имя не нужно существу, более древнему, чем мир. Если бы магистр трагила-сай мог видеть, он бы увидел большой огненный шар, меньше чем звезда, но больше чем любое из строе- ний гуманоидов. Если бы ривайр смотрел на инаков, то уви- дел бы воина с четырьмя руками и туловищем как у лошади, если бы кибероид взглянул на новое существо, рожденное на дне слезы Кибелы, то увидел бы невероятную кибернети- ческую систему, столь сложную, что не хватит и зона, чтобы разобраться в ней. А для трактоида было бы все очевидно без взгляда: этот шар божественного происхождения и сила его неизмерима. Если бы... Если бы в нем была третья часть! Он бы был таким сильным, что мог бы угрожать богам.

Тридцать оборотов Рива вокруг звезды проходит прежде, чем возле планетарного пояса появляется огненный шар, ко- торый мог бы уничтожить все живое вокруг себя. Но вои- ны Рива спокойны: их мир защищен древней магией богов, ничто материальное не пройдет сквозь барьер. Это не сило- вые поля гуманоидов и не электрические ловушки роботов. Это непостижимая сила, что берет свое начало в Фантасти- ческой поэме. И даже если инаки проникнут сквозь защиту, воинам Рива есть чем их встретить: их оружие самое мощное во Вселенной, а опыт войны самый большой. Они не боятся

ни смерти, ни войны. И даже если ривайры покинут свои материальные тела, их дух поднимется к Средним мирам, чтобы со временем перейти в Божественный Эшелон.

Смерть для ривайра – лишь путь дальнейшего продвижения. Она огорчает, когда не все подличности выращены, но и это лишь досадная оплошность, а не трагедия. Любой из тех, кто остался в Средних мирах, может в любое время вернуться в Дальнюю волну, родится вновь, сохранив память, все подличности и свое тело.

Конечно, ривайры не желают умирать, потому что на то есть свои причины, но они не боятся смерти, что делает воинов Рива безупречными. Таков планетарный пояс Рив и такова судьба рожденных на Риве. Проклятье это или божественный дар, никто точно не знает. А потому, когда возле границ планетарного пояса появляется светящийся шар, который угрожает Риву, на него обрушивается такой шквал огня, что хватило бы на пару галактик. Ривайры оттесняют пришельца подальше от своих территорий и победно возвращаются, чтобы отпраздновать красным фейерверком еще одну победу над безымянными.

6

Дальняя волна, вход в антимир

Трое охраняют антимир. Так стары, что не помнят, кто поставил их у входа и зачем нужно держать его закрытым. Они так давно умерли, что все это не имеет значения, однако стражи верны своему слову и скорее уничтожат всю Дальнюю волну, чем позволят чему-то материальному проникнуть в антимир. Может, они служат богам, а может и нет.

Когда перед их пустыми глазницами появляется огненный шар, старцы готовятся защищать вход, хотя за последние три эона никто не совершал попыток попасть в миры, где все белое – черное, низ – верх, пламя холодно как лед, а жизнь похожа на смерть. Никто живой не может существовать в антимирах, а мертвому нет необходимости.

– Назовите себя и причины, которые вас привели ко входу в антимир! – Требуют старцы.

– У нас нет имен; у нас нет ничего, чтобы их заменяло; мы иные, чем все существа в Дальних мирах. А причины наши слишком личные, чтобы их называть. Но мы можем показать вам кое-что интересное...

Шар разъединяется на двух существ. Они так прекрасны,

что даже мертвые стражи невольно восхищены и очень жалеют, что их глаза давно сгнили. Два инака начинают танец и для тех, кто смотрит не глазами, он еще чудеснее. Их гибкие тела поют о боли и потере, о холоде одиночества и великой страсти. Они сливаются вместе, чтобы наказать тех, кто лишил жизни их брата. Вскоре танец приобретает такой откровенный сексуальный характер, что старые стражи теряют бдительность и мечтают о плоти, любой плоти, которая смогла бы присоединиться к оргазму инаков. Но когда должно свершиться самое сокровенное, фигуры инаков тают и стражи понимают, что это лишь иллюзия, а их внимание постыдно отвлеклось. И только круги расходятся по поверхности черного зеркала, что есть вход в антимиры.

...двигаться в антимирах невероятно тяжело. Вакуума здесь нет, все пронизано материей, но молекулярные связи совершенно иные. Движение вперед отбрасывает тело назад, а желание умирает раньше, чем рождается. Пребывать здесь могут лишь те, кто преодолел влияние материального мира, а потому у инаков лишь несколько мгновений, и время, которым не управляет Зерван, здесь разорванное и больное.

– Вижу...

– Смотри, вот они...

– Предложить вам Рив...

– Я объясню.

Теней в антими́ре много и они жаеают материи, как никогда. Они готовы пожрать миры и слушают пришельцев. Это первые пришельцы за три эона и их веает жаада мести. Впрочем, теням все равно. Они покиаают антими́р, потому что стражники в этот момент увлечены двумя танцующими фигурами. Старцев тени не трогают, смерти достаточно и в их мирах, чтобы наслаааться ею здесь, где полно жизни.

Создания антими́ра голодны и первыми они пожирают тех, кто их выпустил. Через миг пространство возле входа в антими́р совершенно пусто: ничего не осталось от трех планет, одной звезды, тысячи шестисот трех астероидов и двух инаков. Инаков, детей черных богов больше нет в Дальней волне. Их оголенные духи мечутся в ужасе тьмы, не понимая, кто они и что произошло. Их тянет вверх яркий свет, но Средние миры не готовы принять столь странные души и вскоре холод одинокого космоса становится их холодом, а сознание, лишенное тела, засыпает навсегда...

Магистры сиджана ки называют это *ардану*, что значит «неотвратимость». Если миру сделать больно, мир отвечает. Это неотвратимость. Ардану. Если начинаешь войну, война придет и в твой дом, даже если ты сильнее всех. Это неотвратимость.

Если в сердце поселилась жаание смерти, то смерть не замедлит появиться, потому что волна творения лишь кажется

разделенной, на самом деле все материальное и не материальное в ней едино. Это тоже ардану.

Дальняя волна творения, планета Траг

Сегодня день солнечной мистерии, тридцать пятой в этом цикле. Все, кто желают получить звание неофита, могут пробовать свои силы в подземельях Трага. Тридцать три зала проходят ученики с одной священной целью – найти на Траге Меродаха, великого бога-солнце, знающего все мистерии.

Уже Гралис катится к закату и Нан на восходе светит розовым неярким светом, а никто из претендентов не решил задачу. Тридцать три пещеры выходят на поверхность возле самого высоко монастыря в мире Траг. В монастыре, на самой высокой башне, протыкающей шпилем розовое рассветное небо, восседает верховный магистр. Он терпеливо ждет учеников, которые найдут Меродаха и явятся к нему с доказательствами своего проникновенного ума. В пещерах пусто, разве что есть кое-где статуэтки Меродаха, патрона мистерий, но каждый ученик понимает, что образ не есть сам бог. Задача кажется невыполнимой, усталые и голодные неофиты обыскивают подземелья, надеясь найти подсказкии угадать, чего ждет от них верховный магистр.

Наконец, когда восходит Нан, второе слабое солнце Трага, ученики выходят на поверхность и под смех зрителей бредут к магистру, понуриив голову, чтобы честно признаться, что они не нашли Меродаха. Но когда они видят магистра

Силити с плащом, на котором изображен солнечный круг, они понимают суть мистерии. Тот, кто знает мистерии, имеет право носить символ солнца, знак Меродаха, а значит сам становится Меродахом. Они искали мудрость во тьме пещер, а разве может быть свет знаний в полной тьме? Каждый подходит к верховному магистру и впервые не преклоняет колени, как того требуют традиции, а говорит с полной уверенностью: «Я и есть тот, кто знает мистерии, я – Меродах». И тогда великий магистр склоняет колени перед учениками и каждому вручает плащ солнцеподобного Меродаха, красный с черным, сияющий изображением солнечного патрона мистерий. Это великий миг, когда в сознании учеников происходит переворот и они начинают понимать свою связь со всей волной творения и слышать великолепные напевы Фантастической поэмы. Это праздник для магистров и Траготов радоваться и продолжать мистирию...

Тран Сид Силити чувствует тень, промелькнувшую над Трагом. Никто не замечает чужих звездолетов, кроме него. Ни разу за последний эон верховный магистр не останавливал мистерии, ибо важнее мистерий нет ничего на Траге, сердце магического искусства трагила-сай. Но сегодня особый случай и мистерия остановлена.

На площади перед монастырем приземляются три звездолета, раскрошив мраморную кладку. На них символ Рива – скрещенные мечи и кровь. Такое вторжение подобно объяв-

лению войны, потому Тран Сид Силити останавливает мистерию. Когда воздух остывает, выходят ривайры, не очень желанные гости на Траге. Их пятеро и все в боевом облачении, увешаны оружием и их лица мрачны, как никогда.

Один из них, самый высокий, превышает рост верховного магистра вдвое. Он – воплощение силы и агрессии, весь в железе и коже гуманоидов, из которой сшита одежда. Черные волосы спутаны в комок, что служит намеком на то, что истинному воину некогда заниматься своей внешностью. Лицо его покрыто шрамами, а глаза горят красным пламенем. Магистр Силити хорошо знает война по имени Сирис Криз. На планетарном поясе Рив нет государства, нет правителей и отсутствуют главнокомандующие, но если бы понадобилось назвать того, кто правит двадцатью семью планетами, это был бы Сирис Криз. Он силен как сын Ракс-Баа, хитер, как магистры сиджана ки, искусен в бою, как сам Мардук и беспощаден, как Некроникус.

– Приветствую тебя, великий воин, чья слава сияет впереди тебя! – Магистр Трага учтив, хотя и нет к тому никаких оснований. Он приветствует ривайра на высоком слоге Живого космоса и склоняет голову в поклоне, при этом не опуская глаз. Его недоверие еще больше его недовольства.

– Пусть твое приветствие провалится на Дно миров! – Ривайр холоден, как сталь, в глазах обещание смерти. – Я уничтожу Траг вместе с тобой и ты не успеешь даже икнуть, жал-

кий гуманоид.

Сиды Силити закрывают плотной стеной другие магистры и ученики, но он просит их подождать. Если бы ривайр хотел уничтожить Траг, то уже совершил бы попытку, но, похоже, он пришел за чем-то другим.

– Что ж, ривайры никогда не отличались воспитанностью. Говори, что тебе нужно, потому что ты прибыл не вовремя.

– Ты, болотная жаба, втянул ривайров в войну, которой нет конца. – Сирус Криз играет своим мечом, что больше его в два раза и по лезвию меча стекает алая кровь. – Ты воспользовался слабостью воина по имени Паралис Мег и позволил ему погибнуть от руки твари, которой нет имени.

– Я всего лишь предложил битву, а Мег не смог отказаться. Я верил в то, что он победит инака.

– Ты насытился мстостью, убогий гуманоид? Инак на Дне миров, но у него были брат и сестра. Они выпустили теней из антимира, которые атаковали Рив. Уже семь планет превратились в пыль. Мы едва сдерживаем порождений антимира силовыми полями и магией богов, что всегда охраняла наш планетарный пояс. Но оборона ненадежна. Как ты думаешь, верховный магистр, когда тени сожрут Рив, они успокоятся?

Магистр молчит. На самом деле он знает про атаку теней, что есть антиматерия, наделенная самым извращенным со-

знанием в волне творения. Но он не считает, что это его забота. Тени желают уничтожить ривайров, а не Траг, так что он не видит повода беспокоиться.

– Думаю, это твоя война, Сирис Криз. Но если ты просишь о помощи, я буду молить богов тебе помочь.

– Будь ты проклят, магистр! Когда мы победим теней, я взорву Траг так же легко, как и Генстаг. От ваших монастырей не останется и молекулы.

– Я свяжусь с Окутаной 2 и вышлю вам в помощь наш флот. Этого тебе достаточно, ривайр? – Сид Силити несколько не напуган, он лишь жалеет, что прервал мистерию.

– Хорошо, тогда я оставлю Траг пребывать в своих мистических иллюзиях, но тебя лично зажарю на вертеле и съем на ужин, когда буду праздновать победу!

Он зол и имеет на это право. Семь планет из двадцати семи уничтожены, погибло несчетное количество ривайров и энергополя едва сдерживают армию антимира. Ничего подобного не случилось с планетарным поясом Рив никогда. Никогда Некроникус так обильно не пировал телами великих воинов. И никогда раньше ривайру не приходилось просить гуманоида о помощи.

– У меня есть кое-что. – Улыбается Тран Сид Силити. – Эти сети-ловушки мы использовали на периферии для уничтожения трактоидов. Они слишком радиоактивны для гуманоидов, но твоя раса, воин Рива, не боится радиации.

Возьмите их и расставьте везде, где вас атакуют тени. Ловушки поглощают любую активность: материю, антиматерию, свет и тьму любой формы и концентрации.

– Ловушки я возьму, но я хочу, чтобы ты и твои магистры приняли участие в битвах. Или ваша трагила-сай ничего не стоит?

– Мы не воины, мы мирные существа и живем в гармонии с космосом и Фантастической поэмой, наша магия направлена на познание себя и мира, а не на убийство.

– Похоже, ваша судьба изменилась. С сегодняшнего дня трагила-сай станет боевой магией, Силити. Ты заключил договор на военную кампанию, когда послал моих воинов убить инака, разве нет?

На Траге траур. Мистерии прекращены. Черная тень войны легла на планету трагила-сай. Магистры готовятся к битве. Они принимают судьбу Сида Силити как свою, они умрут за него и его грехи. Сам верховный магистр мрачнее тучи. Он молит Меродаха оградить Траг от ужасной участи, но Меродах молчит. Он обращается к богам, но боги молчат. Только демоны в Средней волне смеются и посыпают голову верховного магистра пеплом.

Это тоже ардану. Неотвратимость, холодная, как объятия Некроникуса.

Планетарный пояс Рив, три цикла спустя

Тридцать две расы втянуты в противостояние теням антимира. От планетарного пояса Рив осталась одна треть. Как только тьма антимира соприкасается с материей, материя поглощается. Секрет в первовеществе и полярности, но точного механизма никто не знает, кроме богов. Теням подходит любое вещество и чем больше, тем лучше. Они – единое сознание, разделенное на клочья мрака. Ловушки магистров трагила-сай сдерживают их какое-то время, но антисущества меняют полярность ловушек и вскоре поглощают их так же, как любую энергию в космосе.

Иногда тем, кто желает остановить теней из антимира, кажется, что это совершенно безнадежно и вскоре весь мир будет поглощен сплошной тьмой. Когда тени в космосе, где их окружает вакуум, и нет ничего, ни вещества, ни полей, тени пожирают сами себя. Против них бесполезны тяжелые оружия ривайров, магия трагила-сай и даже приемы энергетического боя сиджана ки. Тем, кто смотрит на Рив, понятно, что самая тихая война в Живом космосе проиграна и полное уничтожение материальной жизни лишь вопрос времени. Когда тени доберутся до звезды Рива – Гралиса, наступит вечная тьма, в которую провалятся все живущие ныне

герои и предатели.

Сирус Криз с надеждой смотрит на алое небо, где он видел падающую звезду. Яркий желтый диск расчертил мрак ночи. Он знает, что так приходит спасение.

– Вызови Силити. Пусть он встретит гостя. – Говорит он своему помощнику и, хотя тот не понимает, что происходит, он вызывает верховного магистра в мир Алый Жар, на котором находится лидер ривайров.

Тран Сид Силити смотрит на малоподвижные черные шары. Они едва подрагивают, растекаясь мраком вокруг себя. Они не имеют лика и конечностей. Сейчас они погружены в анабиоз, потому что новая ловушка трагилов сильна. Но она не может быть универсальным решением. Две тысячи магистров погибли, желая уничтожить теней, две тысячи лучших магов Живого космоса заглянули в черные глаза смерти и не смогли победить. Космос похож на больного, что заражен неизлечимой болезнью, столь безликой, что ее даже невозможно ненавидеть.

– Великий магистр, вас вызывает Криз!

– Скажи, я занят. Я пытаюсь постичь суть существ из антимира.

Он смотрит из иллюминатора в черную тьму, что копошится на дне ловушки и понимает, как далеки существа Дальней волны и концентрированная тьма небытия из анти-

мира. Он не понимает, почему молчат боги, когда вся волна скоро затрещит по швам. Или они считают, что Живой космос вполне способен победить антимир?

– Это срочно, великий магистр. Он просит прибыть в мир Алый Жар, что на окраине Рива, или точнее того, что от него осталось...

– Хорошо. Приготовьте окно.

Пространственные окна были созданы два цикла назад. Их изобрели кибероиды, чтобы спасти своих воинов от теней. Звездолет медленно всплывает в окно, чтобы растворится в нем без остатка. Окно сворачивается и даже следа не остается от пребывания магистра в этом секторе. Только голодные тени спят в ловушке, да равнодушные звезды мерцают вдалеке.

– Зачем ты вызвал меня, ривайр? Я был близок к разгадке теней.

– Ты смотришь на тьму и пытаешься ее понять? Это смешно, гуманоид. Так ты никогда не уничтожишь врага.

– А что ты предлагаешь, великий воин? Мы уже пробовали напалм и атомную энергию. Тени поглощают все, что к ним направляется. Мы не умеем управлять антиэнергией и в этом наша печальная судьба...

– Подожди причитать, маг. Я видел, как упало солнце. Твое солнце. Иди и встречай гостя Дальней волны. Думаю, он здесь, чтобы помочь нам выиграть самую странную войну

за последние десять эонов.

– Ты говоришь о...

– Разве в волне творения есть другой гость?

Ривайр Сирис Криз не желает встречаться с гостем волны творения и на то у него есть свои причины. Он мудрее, чем гуманоид. Для магистра по имени Силити встреча с патроном мистерий, с тем, кто выше богов эшелона, с тем, кто дал трагилам великую мудрость, есть невероятная удача и столь редкий шанс, что на самом деле никто из магов в него не верит.

Волна творения бесконечна, но она заключена в материальную оболочку. Даже Высшие Сферы полны материи, хотя и лишены форм. За границей волны творения расположен непознаваемый хаос, которому нет названия. Хаос Внеграницья иногда посылает своих эмиссаров внутрь волны творения. С какой целью, нет возможности узнать, ведь как только сущность хаоса попадает в волну творения, она становится ее частью и обретает материю. Хаос, заключенный в материальную оболочку, будь он даже бестелесным духом, утрачивает знание своей цели и проходит в волне творения путь смертного. Рождаясь существом с телом, дальше дух познает тайны Дальней волны и, умерев, переносится в мир, где формы текучи – в Средние миры, тонкую прослойку между мирами обычных существ и Краткой волной, содержащей

божественные принципы.

В Краткой волне и Высших Сферах личность сохраняется в виде принципа и, при очистке от всего материального, попадает в хаос Внеграницья. Это долгий путь, но другого выходя из волны творения нет. Магов манит и пугает одновременно непостижимый и огромный хаос Внеграницья. Они мечтают о нем, но не спешат расставаться с теми мирами, где им так привычно. И никто из них на самом деле не готов встречаться с гостем Внеграницья, даже если сам носит плащ с его изображением, потому что одна даже мысль о подобном контакте заставляет смертного впадать в священный трепет. Впрочем, к ривайрам такое правило не применяется, они не чтят богов и не боятся никого, даже самого Некроникуса.

Тран Сид Силити надевает свои лучшие одежды, красный с золотом плащ верховного магитсра, а сандалии, напротив снимает. Не подобает встречать в обуви такого высоко гостя. Волосы его убраны в хвост, а на глазах очки с темными стеклами. Он не прячет взгляд, он просто знает, что сияние гостя может ослепить его навсегда.

Два оборота вокруг оси мира Алый Жар магистр идет по пустыне, где все опалено и песок превратился в камень. Гралис жесток и жара почти убивает тело гуманоида, когда он видит перед собой огромную тень и падает ниц, не смея поднять глаза. Фигура, размером до небес, заслоняет звезд-

ду и ее свет ярче, чем солнце Рива.

– Великий Меродах, твой верный слуга склоняет колени пред твоим солнцеподобным ликом. Нет большей радости и удовлетворения для магистра трагила-сай, чем видеть твой образ и внимать твоим мудрейшим словам.

– Наконец-то! – Грохочет фигура. – Так неудобно без тела!

И свет, подобный тысячи солнц, входит в тело Сиды Силити. Магистр падает замертво, не успев ни с кем попрощаться. Сутки лежит неподвижно, а затем встает, отряхивая песчинки. Он слегка парит над горячим песком и тело кажется более сильным и здоровым, чем когда им владел старый магистр.

– И я рад видеть тебя, мой верный магистр, – отвечает он на речь, что давно умолкла, – жаль, что не успел поделиться с тобой вселенскими истинами.

И он хохочет, поднимая вихри с барханов. Мертвыми глазами смотрит на красный мир и качает головой, совсем, как Сид Силити, потом зарывает в песок некоторую вещь, заматанную в грубую мешковину и идет по воздуху Рива туда, где его ждут воины. «Жалкие миры! Жалкие миры!» – повторяет он с упорством слабоумного и выплевывает на песок сердце гуманоида, которое начинает разлагаться на жаре.

Сирис Криз сидит на троне, что сделан из песка, для ривайра такой трон – напоминание о том, что любая власть иллюзорна и никто не может на самом деле править Ривом и его воинами. Он обнажен, как и всегда. Так он встречает Сиду Силити, вернувшегося из пустыни. Ривайр видит, что движения магистра изменились, взгляд остекленел, а плащ порван в нескольких местах.

– Великий магистр нашел то, что искал? – Спрашивает ривайр и ему не приходит в голову склонить колени или хотя бы голову, хотя он и догадывается, что Сид Силити уже совсем не магистр Трага.

– Нашел. – Ответ краток и из глаз вырываются лучи солнца, которые сожгли бы все, что не так прочно, как воля урожденных на Риве.

– Ты устал и голоден, великий магистр?

Кажется, Сирис Криз смеется над гостем и его светом, подобным солнцу. Он предлагает кувшин из глины, в котором только песок и блюда из грубого фарфора, на которых тоже лишь горсть песка.

– Угощайся. Это все, что вскоре от нас останется. Боюсь, твой вход опустеет, а Рив войдет в легенду, МЕРОДАХ.

Меродах берет кувшин с песком и пьет из него, засыпая в плотно закрытый рот магистра песок, который превращается в живительную влагу и берет в пальцы песок, и песок

начинает пахнуть жареным мясом, так, что у Сириса Криза кружится голова.

– Спасибо за дары, великий воин. Кажется, я слышу отчаянье в твоём голосе. Действительно ли ты обеспокоен тем, что мой вход опустеет и ни один дерзкий ривайр больше не пройдет в Среднюю волну? Если это все, что тебя волнует, я зря потратил время.

Меродах смеется и лишь шевельнув пальцами, создает себе трон из песка, который в два раза больше и изящней, чем тот, что вылепили воины Рива для своего лидера. Когда он садится на трон, то полон изящества и величав, как истинный правитель миров. Иллюзия оживает и в закатном Гралисе начинает казаться, что трон не из песка, а из золота очень тонкой работы, а сидящий на нем гуманоид полон жизненных сил и всегда был правителем. Только дыры на плаще да мертвый блеск неподвижных глаз выдают, что за сила двигает марионеткой – бывшим верховным магистром трагила-сай.

– Я вижу, с тобой бесполезно соревноваться в остроте ума, повелитель мистерий, ведь тебе подчинена Мара и Иллюзия. Но разве тебе не жаль твоего лучшего магистра? Он учил тысячи магов молиться на тебя, почитать тебя как бога.

– Очень жаль... Но он так жаждал, чтобы моя мудрость ему принадлежала, теперь она в нем. А почести и молитвы,

зачем они мне? Разве что я совсем одряхлею и стану похожим на ваших богов, живущих за счет потока энергии низших миров? Выпьешь со мной?

Он наливает из кувшина ароматное вино и протягивает кубок ривайру, но когда тот подносит его к губам, то вино превращается в песок и слышно, как тихо смеется гость, прикрывая улыбку рваным плащом. Вино течет по лицу, кости сломались, но гость веселится, как никогда, ривайры забавляют его.

– Ладно, – Сирис Криз швыряет кубок с песком, – если ты пришел помочь, то сейчас самое время. Если у тебя цель посмеяться над смертными, то проваливай и не мешай нам умереть. Мы не просили тебя о помощи.

– Почти мертвые, но такие гордые... Я пришел помочь. Слушай. В секторе, захваченном трактоидами, есть одна пещера в ледяном астероиде, там я спрятал металл, обладающий очень редкими свойствами.

– И что это за свойства? – Сирис Криз как будто не проявляет заинтересованности, он смотрит на песчаных птиц без перьев, любитесь закатом Гралиса, пилит шершавым камнем свои черные ногти. Голос его звучит совершенно равнодушно, словно лишь скука заставляет его задавать вопросы. Именно так и надо разговаривать с тем, кто прибыл из Внеграницья. Достаточно проявить нетерпение или заинтересованность, как плата за помощь станет невероятно огромной. Воин Рива прекрасно понимает это в отличие от гуманои-

да с Трага, уже расплатившегося своей жизнью. Впрочем, на Риве не найдется никого, кто бы хоть на миг пожалел Трага на Сиде Силити.

– Уникальные свойства, ривайр. Возможно это единственный металл в Дальней волне, который не разрушается при столкновении с антиматерией. Что скажешь, воин?

– Если такой металл существует, он наверняка кому-то принадлежит.

– Ты проницателен. Дочь Кибелы, мудрая Алкая, живущая дольше, чем ты можешь вообразить, сделала планету из этого металла и будет охранять ее до самой смерти.

– Значит, убив дочь Кибелы, мы будем иметь металл, который спасет Рив и всю Дальнюю волну?

– Что для воина одна старая немощная женщина, когда на карту поставлен весь космос?

Сирус Криз не спешит с ответом, он понимает, что в действиях Меродаха не может быть бескорыстного намерения. Но он никогда не слышало дочери Кибелы и он вовсе не желает воевать с таким противником. Полубоги, даже если они живут в Дальней волне, очень сильны и воинственны. К тому же боги Краткой волны их защищают. Скорее всего, Меродах желает, чтобы ривайры начали войну против Эшелона богов и у него на это есть свои причины. Сирус Криз даже догадывается о причинах такой хитрости, но предпочитает промолчать. Теперь выбор за ним.

– Если я привезу металл, как мы его используем?

– Я сделаю гигантский поглотитель антиматерии, ты срастешься с орудием и одним вдохом поглотишь тени. Станешь великим героем, о котором будут слагать легенды. А я удалюсь в миры, где нет войн и теней.

Сирус Криз берет с собой большое войско и отправляется в поход к миру Алкай, металлическому шару размером с планету. Но когда они покидают сектор Рива, мудрый ривайр отправляет воинов обратно, а сам летит к планете дочери Кибелы. Меродах не обманул, такая планета существует и на ней царит прекрасная женщина. Видеть смертным ее нельзя, но для ривайра Алкай делает исключение. Ровно три оборота металлической планеты длится рассказ воина Рива и внимание Алкай не ослабевает. Когда она слышит имя Меродаха, то лишь смеется звенящими колокольчиками. Ее решение просто: она разрешает ривайру взять с собой столько металла, сколько он сможет забрать. Звездолет ривайра в состоянии тянуть за собой небольшой астероид, именно столько и откалывает он от планеты дочери Кибелы и благодарен ей намного больше, чем Меродаху.

На планете Алый Жар нет ни одного ривайра, все покинули этот мир, потому что не в силах вынести скуки Меродаха. Половина планеты застроена великолепными замками из песка. Столь сложных конструкций и тонких орнаментов не видел никто из зодчих в Дальних мирах. Если бы эти по-

стройки не были из мокрого песка, им бы не было цены. Все дворцы соединены между собой переходами, в каждом окне видны лики существ, населявших дворцы, вокруг каждого – колонны до небес, даже песчаные сады обильно цветут и когда ветер гуляет между ними, цветы осыпаются золотыми струйками. И совсем никого нет, чтобы увидеть чудо из чудес – песчаный мир Меродаха.

– Очередная иллюзия? – Спрашивает ривайр, когда его звездолет садится в песчаный бассейн с тысячей обнаженных существ из невиданных миров.

– Иллюзия – это жизнь, которую вы влачите в Дальней волне, – отвечает Меродах, – а мои творения безупречны и не важно, из какого материала они созданы. Не всё должно существовать вечно.

– Дома, в которых нельзя жить; колодцы, из которых нельзя напиться; красотки, которых нельзя обнять? Это ли не иллюзия, повелитель мистерий?

– Дома, в которых можно жить, но гуляет ветер. Колодцы, в которых есть вода, но живут демоны. Женщины, которые доступны, но не могут рожать детей. Это твоя жизнь, воин Рива? Моя иллюзия, право, честнее. Твой настоящий дом – холодный космос, твоя любовь – война, а твой род на грани вымирания. Разве стоит держаться за такую реальность?

– Мы не вымираем, мы всего лишь заняты битвами, в которых растим свои подличности. И если бы не тени, количе-

ство живущих в Дальней волне ривайров не уменьшилось! А не ты ли ради забавы подсказал инакам выпустить существ из антимира?

Меродах смеется. Разве присущи ему такие мелкие заботы и разве стал бы он тогда появляться перед ривайром и раскрывать ему свои секреты? Конечно, он мог бы подсказать, но это был не он. Пролилась черная кровь тех, кто старше мира, и Дальняя волна дорого за это заплатит.

– Где же твой металл, великий воин Рива или твоя армия потерпела поражение от одного взгляда Алкаи?

Ветер, вдруг разыгравшийся в мире, где раньше его никогда не было, рушит песочные замки и мосты, сносит дворцы и сады, все опять превратив в ровную поверхность.

– Я привез металл, но не так много, как ты хотел. Сделаем из него робота, гиганта, который будет поглощать энергию теней. Я или другой воин срастим свое сознание с роботом и пусть он поглотит всех теней. А потом я отправлюсь на Дно миров, где антимир не сможет угрожать процветанию Рива и других планет и там оставлю этого робота.

Меродах смеется и танцует на негнущихся ногах. Он похож на сломанную марионетку, которой нет возможности распутать нити кукловода. Тело в условиях жары становится наполненным жидкостями и синее. Смотреть на него без отвращения практически невозможно.

– Давай приступим, ривайр, ибо у моего тела мало времени, а нам потребуются инженеры с Кибертроникуса. Привези мне двух кибероидов, а я пока построю завод.

– Из песка? – усмехается Сирис Криз. Он самый неучтивый из всех смертных в волне творения. Для ривайров лишь твердое существует, живое живет, а придуманное – мертво. Таковы принципы рожденных на Риве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.